

Николай Вахтин

Тихоокеанская экспедиция Джесупа и ее русские участники¹

Введение

Помимо очевидного интереса, который вызывает до сего дня Джесуповская экспедиция во всех ее аспектах — от составления и обсуждения первоначального плана, подбора сотрудников и проведения полевых исследований и до результатов, публикаций и последствий, — существует еще одно обстоятельство, заставляющее заниматься ее историей. Обширная литература, посвященная этой экспедиции, главным образом американская, сосредоточивается, вполне естественно, на *американской* ее стороне — на роли Франца Боаса и Джесуповской экспедиции в становлении американской антропологии, на изменениях во взглядах Боаса и других американских участников в результате этой экспедиции и т.п. При этом о *русской* составляющей говорится не слишком подробно. Хороший пример — превосходная статья [Freed et al. 1988], в которой описанию подготовки экспедиции

Николай Борисович Вахтин
Европейский университет
в Санкт-Петербурге

¹ В основе этой статьи — значительно переработанная публикация [Vakhtin 2001].

и препятствий на пути ее осуществления посвящено около двух страниц; из них Сибири посвящены четыре строчки: «*В Сибири основными проблемами были политика, климат, ландшафт, обеспечение, тяжелые жилищные условия и громадные расстояния*» [Там же: 9]. (Есть ли что-нибудь, что не было бы в Сибири проблемой?)

А между тем Джесуповская экспедиция сыграла исключительно важную роль в формировании не только американской, но и российской антропологической науки, и прежде всего сибире- и североведения — этнографии, фольклористики и лингвистики коренного населения Крайнего Севера. Редкое сочетание благоприятных факторов¹ привело к появлению в России нового научного направления, оказавшегося очень плодотворным. В каком-то смысле можно сказать, что изучать историю Джесуповской экспедиции — значит изучать историю становления современных российских этнографических и лингвистических исследований северо-восточной Сибири.

Данная работа во многом опирается, особенно во вводных разделах, на известные нам работы по истории экспедиции, такие как [Brown 1910; Kennedy 1969; Dexter 1976; Hinsley, Holm 1976; Freed et al. 1988; Cole 2001]. Я попытаюсь здесь заполнить некоторые наиболее крупные лакуны в российской части истории экспедиции. Изложение основывается на архивных материалах, прежде всего — на собрании писем участников и организаторов экспедиции друг к другу. Все письма, написанные по-английски, даны в моем переводе.

Разработка планов экспедиции (1895–1897)

Существует известная, хотя и прискорбная традиция называть здания, залы, книжные серии и исследовательские проекты именами не тех, кто их построил, написал или осуществил, а тех, кто дал на них деньги. Это, впрочем, понятно: архитекторы, писатели и ученые имеют шансы остаться в благодарной памяти человечества; для богатых же это — часто единственная возможность «остаться в истории».

Конечно, Моррис Джесуп сыграл в создании Американского музея естественной истории громадную роль, да и экспедиция вряд ли бы состоялась без его поддержки. И тем не менее ей больше подошло бы название *Боасовской*, а не Джесуповской, если принять во внимание, сколько времени, сил и таланта вложил в ее организацию Франц Боас.

¹ Впрочем, «благоприятными» эти факторы могут быть названы лишь в применении к данному вопросу: для участников событий они иногда были печальными, а то и трагическими.

Франц Боас приходит работать в Музей

Франц Боас родился в 1858 г. в городе Минден, Вестфалия. Под влиянием и при поддержке своего дяди, доктора Александра Якоби, он поступил учиться в университет, избрав курс естественных наук и математики. С 1877 по 1881 г. Боас учился в Гейдельберге, Бонне и Киле; прослужив год в армии, он провел год в Берлине, занимаясь *«реакциями человеческого сознания на естественную среду»*. Летом 1883 г. он отправился на Баффинову Землю и провел более года среди эскимосов. После возвращения, проработав несколько лет в Берлине, в Императорском этнографическом музее, он снова отправился (в 1887 г.) в экспедицию, на этот раз на западное побережье США; по возвращении он решил поискать работу в Америке и вскоре получил место в университете Кларка. Два года он провел в Чикаго в качестве главного ассистента Фредерика Путнама, ведущего антрополога из Гарварда, помогая тому создавать антропологические экспозиции в Музее Филда [Stocking 1973: 82–83].

После этого в течение нескольких лет Боас был безработным, но затем ему удалось найти постоянное место. Фредерик В. Путнам, в то время куратор отдела антропологии в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке, начал вести переговоры с руководством Музея с целью пригласить Боаса на работу. Он использовал каждую возможность, чтобы убедить Президента музея Мориса Джесупа в необходимости этого шага. Так, уже в декабре 1894 г. он писал Джесупу:

«Следуя Вашему поручению изложить письменно суть нашего вчерашнего разговора, <...> беру на себя смелость предложить следующее: Первое, что мне поручается — предложить д-ру Францу Боасу, таким образом организовать его планы, чтобы он смог принять место в отделе не позднее следующей осени» (Putnam to Jesup, December 8, 1894; AMNH-DA).

Настойчивость Путнама принесла плоды: если в марте 1894 г. Джон Уинзер, ученый секретарь Музея, еще отвечал Боасу, что Музей не имеет возможности взять на работу куратора антропологических коллекций (Winser to Boas, March 3, 1894; AMNH-DA), то уже через пять месяцев появилась надежда: Путнам сообщал, что надеется, что тучи в жизни Боаса скоро рассеются и что впереди — солнечная погода (Putnam to Boas, August 3, 1894; APS-NYPL) — см. подробно о том, как Боас был принят на работу в Музей в [Dexter 1976: 304–306].

Сам Боас тоже не сидел сложа руки в ожидании, когда устроится его судьба. Он писал в разные места в поисках работы, в частности — в Вашингтон, в Национальный музей естествен-

ной истории, предлагая себя для описания, расширения и разбора антропологических коллекций по американским индейцам и для организации «*систематической выставки, охватывающей все северное побережье Тихого океана*» (Boas to AMNH, May 27, 1895; APS-NYPL). (Для нашей темы важно, что в этом письме понятие «*северного побережья Тихого океана*» еще не включало ничего, кроме четырех племен американских индейцев, от якутатов до сэлишей.)

Летом 1895 г. Боас был в Европе: в Германии, Англии и Франции. Здесь он и получил от Дж.У. Поуэлла предложение занять постоянное место в Бюро Американской этнологии в Вашингтоне. Одновременно он получил и письмо от Путнама (Putnam to Boas, June 19, 1895; APS-NYPL), в котором тот писал:

«Проконсультировавшись с мистером Джесупом, я написал Президенту (Колумбийского университета. — Н.В.) Лоу относительно приглашения Вас в Колумбийский колледж. Мистер Джесуп полагает, что, если бы нам удалось каким-то образом продержать Вас в Нью-Йорке следующую зиму, в следующем году для нас открылись бы лучшие возможности и мы могли бы быть уверены, что смогли бы предложить Вам вполне достойную позицию одновременно в Музее и Колумбийском колледже»¹.

Путнам просил Боаса отложить решение относительно места в Вашингтоне до возвращения в Нью-Йорк: имея Боаса, Фарранда и Рипли, Американский музей получил бы «*непобедимую антропологическую команду*» [Freed et al. 1988: 9], которая могла бы создать в Нью-Йорке, по его выражению, «*выдающийся антропологический центр*». Он писал, что, по его мнению, в Вашингтоне, в отличие от Нью-Йорка, Боас не будет полностью свободен в своих действиях.

Таким образом, к лету 1895 г. у Боаса было два предложения постоянной работы: от Американского музея и Колумбийского университета в Нью-Йорке и от Бюро американской этнологии в Вашингтоне. Он колебался, какое из них принять: Американский музей выглядел привлекательнее, но место в Бюро казалось более надежным, и его можно было занять немедленно. В конечном итоге он склонился к Нью-Йорку.

¹ Несмотря на то что у Музея не было достаточно средств, чтобы платить Боасу достойную зарплату, благодаря настойчивости Путнама между Музеем и Колумбийским университетом было в конце концов достигнуто соглашение о том, что они разделят между собой финансовое бремя и будут выплачивать Боасу деньги совместно.

Возникновение идеи экспедиции

До 1895 г. идея проводить полевые исследования в Сибири нигде в переписке Боаса не упоминается. Несколько писем этого времени посвящены описанию его исследовательских планов в Британской Колумбии и на северо-западном побережье (см., например, его письмо к Дж.М. Досону (Boas to G.M.Dawson, May 15, 1894. APS-NYPL), но не по другую сторону Берингова пролива. Нет таких упоминаний и в письмах Боаса Путнаму или Джесупу.

По всей вероятности, идея Тихоокеанской экспедиции, сравнительного изучения коренного населения Америки и Сибири пришла Боасу в голову летом 1895 г., во время его поездки в Европу (Германию, Францию и Англию).

Неизвестно, что именно вдохновило его: что-то, что он прочитал или услышал в Европе, или вынужденное семидневное безделье во время трансатлантического рейса на обратном пути; однако Боас сошел на американский берег с уже готовой идеей того, что станет через некоторое время ядром концепции экспедиции в северную часть Тихого океана — идеей, превосходившей все, что он или кто-либо другой делали до тех пор: изучение проблемы контактов между Старым и Новым Светом с этнологической точки зрения.

«Человеческие типы, которые мы находим на северо-тихоокеанском побережье Америки, — писал Боас, — хотя и являются определенно американскими, демонстрируют большое сходство с североазиатскими формами; и возникает вопрос: обусловлено ли это сходство смешением, миграциями или постепенным расхождением» [Boas 1898b: 2].

И далее:

«Мы осознали, что прежде чем строить теорию роста человеческой культуры, мы должны знать о росте культур, обнаруживаемых повсеместно среди наиболее примитивных племен Арктики, австралийских пустынь, непроходимых лесов Южной Америки; как и о развитии цивилизации древности и нашего времени. Мы должны по мере наших возможностей реконструировать истинную историю человечества до того, как мы сумеем открыть законы, управляющие этой историей» [Там же].

Вскоре после возвращения в Нью-Йорк (или, возможно, все еще находясь в Европе) Боас написал Лемланду Штайнегеру, своему старому вашингтонскому знакомому, который незадолго до того совершил путешествие в Россию, и попросил совета. Штайнегер ответил в ноябре, второе письмо от него пришло в декабре того же 1895 г. Он приглашал Боаса приехать в Вашингтон и писал:

«Мы сможем побеседовать здесь о тех вопросах, которые Вы затрагиваете в Вашем письме. Ведь пока я не знаю, как Вы планируете отправиться „в район Амура и далее на север“ (очевидно, это цитата из письма Боаса. — Н.В.), я ничего не могу сказать относительно стоимости, <...> мой собственный опыт относится к совсем другой области этой части света и будет почти бесполезен. Я написал, впрочем, сегодня знакомому в Сан-Франциско...» (который, возможно, сумеет дать нужные сведения. — Н.В.) (Steineger to Boas, November 26, 1895; APS-NYPL).

Месяц спустя, 21 декабря, он уже описывает, как можно добраться от Владивостока до Петропавловска, Гижиги, Охотска, Тигиля — *«знакомый из Сан-Франциско»* оказался весьма информированным (Steineger to Boas, December 21, 1895; APS-NYPL).

Тем временем в январе 1896 г. Боас получил место куратора в антропологическом отделе Музея и параллельно с выполнением своих ежедневных обязанностей начал «осаду» Морриса Джесупа. Путнам, его непосредственный начальник и друг, принимал в этом деятельное участие: их представления о музейной работе и важности экспедиций во многом совпадали¹; кроме того, Боасу, только что поступившему на работу «молодому сотруднику», вряд ли удалось бы уговорить Президента музея выделить немалые средства на экспедицию, минуя бюрократическую иерархию. Помощь Путнама, его вес и авторитет были здесь очень важны. Путнам, несомненно, рассматривал этот проект как совместный; ср., например, отрывок из его письма Огастасу Лоуэллу, в котором он описывает экспедицию уже как решенное дело:

«Вы, вероятно, обратили внимание в какой-нибудь газете на отчет об экспедиции в северную часть Тихого океана, которая должна состояться под моим руководством для Американского музея естественной истории в Нью-Йорке. Мистер Джесуп, президент Попечительского совета Музея, оплатит расходы по экспедиции из своих личных средств. Д-р Франц Боас <...> возглавит этим летом отряд по изучению острова Ванкувер. Чтобы Вы могли осознать масштабы упомянутой экспедиции, прилагаю копию моего письма мистеру Джесупу по этому вопросу» (Putnam to Lowell, March 20, 1897; APS-NYPL).

Выражения *«под моим руководством»*, *«мое письмо»* и т.п. ясно показывают, что Путнам — по крайней мере, официально — был руководителем всего предприятия и рассматривал его как собственное детище. Как бы то ни было, можно, по-видимому,

¹ Путнам ясно продемонстрировал это в меморандуме на имя Джесупа — см. Ежегодный отчет отдела антропологии за 1894 г. в письме (Putnam to Jesup, August 11, 1894; AMNH-DA).

согласиться с тем, что Северотихоокеанская экспедиция была организована и финансировалась «*по предложению Боаса и Ф. Ворда Путнама*» [Rohner 1969: 199].

Тем не менее первоначальный замысел экспедиции и его первое письменное изложение принадлежали все-таки Боасу. Дуглас Коул сумел обнаружить в архиве Гарвардского университета и опубликовать [Cole 2001] письмо Боаса Джесупу, датированное 19 января 1897 г., в котором Боас подробно пишет о проекте. Это письмо заслуживает того, чтобы быть представленным целиком¹:

«Франц Боас — Моррису Джесупу
Президенту
Американского музея естественной истории
19 янв. 1897

Дорогой сэр,

Одна из важнейших проблем американской антропологии — вопрос о культурном взаимовлиянии Старого и Нового Света. Исследования этого вопроса сводились до сих пор преимущественно к сравнениям древних культур Центральной Америки и Юго-Восточной Азии. Сравнительное изучение этого региона, в котором, вероятно, происходили контакты и взаимовлияние культур, никогда не проводилось углубленно.

Фрагментарные исследования этнологии племен азиатской части северного побережья Тихого океана от [реки] Амура до Берингова пролива и американской части от реки Колумбия до Берингова пролива показали с несомненностью, что существуют определенные культурные элементы, общие для всех племен региона. Луки, доспехи, способы изготовления лодок могут служить тому примерами. Мифологии племен этого обширного региона также демонстрируют элементы сходства, свидетельствующие о ранних контактах. Отмечены близкие параллели между фольклором Сибири и Британской Колумбии, и в особенности сказки, собранные у айнов Йеццо (о-в Хоккайдо. — Н.В.), камчадалов и индейцев о-ва Ванкувер. Однако этот вопрос ни в коем случае не может считаться окончательно решенным, да и не может быть решен без глубокого изучения всех племен этого региона. Мы знаем также, что физический тип жителей американского северного побережья Тихого океана близок азиатскому типу более, чем к какой-либо другой американской расе.

Обе стороны севера Тихого океана, американская и азиатская, имеют одну общую характерную особенность. Они заселены мно-

¹ Перевод сделан по публикации: [Cole 2001: 48, 65. Приложение А].

гочисленными племенами, говорящими на разнообразных языках, лишь немногие из которых известны. На прилагаемой карте я пометил распределение этих племен и языков. О языках, расположенных на азиатской стороне, неизвестно практически ничего, и все они относятся к категории исчезающих. Нам неизвестно, есть ли структурные сходства между этими языками и языками Америки, но мы должны признать, что такая возможность существует. Внутренние области на азиатской стороне населены людьми, говорящими на родственных языках. Разнообразие языков не выходит за пределы прибрежных районов. В Америке ситуация сходная. Короче говоря, число сходств между племенами всего этого региона столь велико, что мы имеем основания ожидать, что здесь существует взаимное влияние между культурами Старого и Нового Света. Следовательно, фундамент для решения этого важного вопроса со всеми его значительными последствиями для древней американской цивилизации может быть заложен именно в этом регионе.

Систематическое изучение всего этого вопроса должно включать следующие пункты:

1. Этнографическое изучение и составление этнографических коллекций племен на американской стороне.
2. Этнографическое изучение и составление этнографических коллекций племен на азиатской стороне.
3. Исследования огромных скоплений черепного материала и древних памятников на северотихоокеанском побережье на обоих континентах.

Изучение этого предмета на азиатской стороне потребует глубоких знаний китайской и монгольской этнологии и языков. В районе Берингова пролива — глубоких знаний американской этнологии и эскимосского языка. Далее на юг особенно необходима работа в южной Аляске и штатах Орегон и Вашингтон.

Что касается коллекций, то этот регион — один из немногих, где большое число предметов все еще можно собрать за сравнительно небольшую плату. Это в особенности верно для района Берингова пролива, среди чукчей, коряков, и еще более верно для района реки Амур. Но во всех этих районах культуры народов быстро исчезают, и такая работа становится с каждым годом все сложнее.

Я провел приближенную оценку стоимости исследований в этом регионе и полагаю, что 5.000 долларов ежегодно в течение шести лет могут обеспечить полевую работу достаточной степени тщательности».

Это письмо Боаса Джесупу было первым, но далеко не после-

дним. В течение года Боас продолжал конкретизировать и развивать свою идею, внося все новые и новые уточнения. Так, в ноябре 1898 г. он пишет, что хотел бы «*вновь сформулировать цели экспедиции, ее исходный план и те изменения, которые желательно внести в настоящее время*», и формулирует две основные цели экспедиции следующим образом:

«1. Существует ли расовое родство между азиатской и американской расой, которое заставило бы нас признать общее происхождение их обеих? 2. Можем ли мы доказать археологическими и этнологическими исследованиями существование исторических контактов между племенами на этих двух континентах?» —

и затем подробно объясняет причины, которые вынуждают его дать положительный ответ на оба вопроса (Boas to Jesup, November 2, 1898; AMNH-DA).

Идея овладевает массами

Моррис Джесуп довольно быстро поверил в идею Боаса и выразил готовность финансировать ее из своих собственных средств. Уже в феврале 1897 г. Джон Уинзер писал Путнаму:

«Мистер Джесуп почти решился принять на себя расходы по исследованиям в Беринговом море. Он <...> хотел бы, чтобы Вы не забывали об этом деле и были готовы высказать свое мнение, когда он вернется. Однако начало этой работы целиком зависит от того, удастся ли найти подходящего человека» (Winser to Putnam, February 12, 1897; AMNH-L).

В марте 1897 г. в печати появилось первое публичное объявление об экспедиции — статья «Proposed Explorations on the Coasts of the North Pacific Ocean» в журнале «Science»¹. За ней последовало несколько публикаций в газете «The New York Times»; в других национальных и местных газетах замелькали броские заголовки: «*Вокруг света ради науки. Моррис К. Джесуп посылает экспедицию Музея естественной истории исследовать вначале Америку. Антропологи будут искать следы первых людей на континенте, затем направятся в Азию*» и т.п.

После публикации объявления в Музей хлынули сотни писем от разнообразных претендентов, умолявших включить их в состав экспедиции. Лейтмотив многих писем: «*Это всегда было моей мечтой...*». Писали молодые и пожилые, искатели приключений и врачи, журналисты и студенты, и даже один знаток стенографии (предлагавший записывать 150–200 слогов в минуту на любом языке, включая и никому не ведомые). Большинство

¹ New series. 1897. Vol. 5. No 116. P. 455–457.

писем датированы 1897-м г.; все претенденты были отвергнуты («*В настоящее время подбор исследовательской группы завершен; мы сохраним Ваше письмо на будущее...*»). Вот типичное письмо (от некоего У.Ф. Брока):

«В течение многих лет я посвящал все свободное от работы время сбору исторических сказаний и легенд индейцев. <...> Будучи корреспондентом газеты, я объехал весь Орегон, Вашингтон и Айдахо. Я бывал во многих частях Монтаны, Британской Колумбии, Альберты и Ассинабойи. <...> Я жил четыре месяца с индейцами Пьюте (Piute) в Неваде. <...> Я жил среди индейцев якиман. <...> Я свободно говорю на чинукском жаргоне.<...> Я умею справляться с караваном вьючных лошадей и управляю каное с ловкостью, приобретенной за годы жизни в диких местах. <...> Я хотел бы работать под Вашим руководством или в одном из Ваших отрядов и готов делать ту работу, в которой я был бы наиболее полезен» (Brock to Jesup, n.d. 1897; AMNH-DA).

В общем, как писал в одном из писем Джесупу Путнам, жалуясь, что его осаждают репортеры, которые хотят узнать подробности экспедиции,

«это вновь показывает огромный интерес, который люди питают ко всему связанному с антропологией и особенно к исследованиям, связанным с этнологией Америки» (Putnam to Jesup, March 16, 1897; AMNH-DA).

Однако Боас понимал, что, как точно выразился Уинзер, успех всего предприятия «целиком зависит от того, удастся ли найти подходящего человека». Он принялся искать этого человека.

В поисках подходящего человека: фон Цах и Бейли

Через своих немецких и американских корреспондентов Боас вскоре нашел двух кандидатов. Первый — некий В. Бейли, которого рекомендовал Штайнегер; о нем известно очень мало, кроме того, что он «уже в течение некоторого времени собирается отправиться собирать коллекции в Восточную Сибирь» (Steiniger to Boas, April 27, 1897; APS-NYPL).

Второй — Эдвин фон Цах, молодой ученый из Лейденского университета, рекомендованный профессором Густавом Шлегелем. Боас написал фон Цаху в апреле 1897 г.; это одно из первых писем, где можно понять, как рисовалась Боасу экспедиция на самых первых этапах. Цитируем часть этого письма:

«Из того, что пишет мне доктор Шлегель, я заключаю, что Вы хорошо подготовлены для выполнения лингвистической и антро-

пологической работы — обе эти задачи крайне важны для этого предприятия; однако <...> необходимо также уделять специальное внимание собиранию этнологических и антропологических материалов. Я хотел бы иметь очень хорошую коллекцию черепов, там, где их можно будет раздобыть, а также всех предметов, используемых как в повседневной, так и религиозной жизни людей. Кроме того, я особо подчеркиваю необходимость сбора качественного языкового материала, мифов и других произведений на соответствующих языках, песен и т.п.; кроме того, мне необходимы антропологические измерения. Иначе говоря, необходимо охватить все аспекты этнологического, антропологического и лингвистического исследования со всей возможной полнотой. <...> Вы понимаете, что это письмо с моей стороны не является определенным и окончательным предложением, но написано лишь для того, чтобы информировать Вас о нашей предполагаемой работе» (Boas to Von Zach, April 1897; AMNH-DA).

Ответ фон Цаха последовал немедленно и был полон энтузиазма:

«Я весьма признателен Вам за лестное предложение, <...> условия меня полностью устраивают. Хотя я и не располагаю большими средствами, научное исследование такого рода — это не вопрос заработка; однако я не уверен, что сумею выполнить предложенную работу. Я изучал медицину, а также китайский язык и литературу, однако я не уделял много времени отдельным языкам восточной Сибири. <...> Все, чем я, следовательно, располагаю, — это общее представление о предмете и глубокий интерес ко всему, с указанным предметом связанному. Если Вы в конце концов решите нанять меня, я мог бы прервать мою работу над китайским языком и литературой, чтобы подготовиться, насколько это возможно, к будущей экспедиции. Я должен буду изучить в деталях лингвистическую и этнографическую литературу по Сибири и ознакомиться с коллекциями в Лондоне, Берлине и Санкт-Петербурге. Я должен буду также очень энергично взяться за практическое изучение английского и русского языков. Наконец, я прошу Вас сообщить мне, ограничивается ли моя работа коряками и юкагирами или Вы предполагаете заняться и другими племенами восточной Сибири» (Von Zach to Boas, April 24, 1897; AMNH-DA).

Письмо молодого человека произвело на Боаса впечатление. Седьмого мая 1897 г. он писал Густаву Шлегелю и Моррису Джесупу, что рекомендованный кандидат «превосходен». «Из того, что я услышал, я заключаю, — продолжал он, — что мы вряд ли найдем лучшего исследователя для работы к северу от Охотского моря, и я бы предложил нанять его для выполнения этой работы» (AMNH-DA).

К середине мая экспедиция начала обретать конкретные очертания.

«Мы сможем послать два отряда в Азию весной следующего года, — писал Боас Джесупу. — Один из них направится в Арктическую Сибирь, <...> второй — на Амур. Лучшее всего, если бы оба отряда смогли провести на месте по году. Я нанял проф. фон Цаха для работы в арктической Сибири, и мне рекомендовали еще одного джентльмена, как кажется, отлично подготовленного» (Boas to Jesup, May 16, 1897; APS-NYPL). Говоря о «втором джентльмене», Боас, по всей видимости, имеет в виду Лауфера — см. [Kendall 1988: 104].

Официальное письмо фон Цаху Боас написал 19 мая 1897 г., незадолго до отъезда в Британскую Колумбию; этим письмом он подтверждал его прием на работу в экспедицию с окладом 500 долл. в год, при том что все полевые расходы брал на себя Музей, с заданием изучить чукчей, коряков и юкагиров (Boas to Von Zach, May 19, 1897; AMNH-DA).

Одновременно предпринимались шаги для того, чтобы заручиться согласием российского правительства. 15 марта Моррис Джесуп подписал официальное письмо полномочному послу Российской Империи в США Е. Коцебу, в котором коротко описывались цели экспедиции и выражалась надежда, что *«правительство Его Величества согласится дать нам право проводить исследования на территории Империи»* (Jesup to Kotzebu, March 15, 1897; AMNH-DA).

Однако отношения с российским правительством развивались медленно. В сентябре того же года д-р Е.О. Хоуви, геолог, работавший в Музее, незадолго до того принимавший участие в Международном геологическом конгрессе в Петербурге, представил Джесупу отчет о своих переговорах с российскими официальными лицами о возможности отправки экспедиции в Сибирь, которые он проводил по его поручению. Российское правительство, относясь к этим планам вполне благосклонно, потребовало список людей, которые должны принять участие в экспедиции, с указанием их званий и должностей, *«без чего дело не может двинуться»*: ни одна экспедиция не получит разрешения въехать в Сибирь, если ее состав не будет известен поименно и не будет одобрен заранее. Хоуви переговорил также с генералом Дубровиным, секретарем Императорской Академии наук, с д-ром Амштантом, помощником В.В. Радлова (поскольку Радлов, Непременный секретарь Академии, был в то время в отъезде), и нанес визит Великому князю Константину, президенту Академии, оставив его секретарю письмо с изложением планов Сибирской экспедиции. Его вывод: *«рус-*

ские заинтересованы или будут заинтересованы в исследованиях северо-востока Сибири, <...> правительство разрешит экспедицию и будет ей способствовать» (Hoovey to Jesup, September 19, 1897; AMNH-DA).

Планы меняются

Казалось, что все идет хорошо. Однако в конце года что-то, по-видимому, случилось с фон Цахом: ни от него, ни к нему в собрании больше нет писем. Что именно произошло, судить трудно, но порядок отъезда отрядов неожиданно изменился. Теперь Бертольд Лауфер должен был выезжать первым, и снова стало непонятно, кто возглавит северо-восточный отряд. В январе 1898 г. Боас писал В.В. Радлову:

«На весну этого года мы запланировали экспедицию в низовья Амура. Мы запросили и получили разрешение от Правительства Российской Империи проводить исследования в этом районе, и я пригласил д-ра Бертольда Лауфера из Кельна, который изучал азиатские языки в университетах Берлина и Лейпцига, заняться изучением языка гиялков. Спутником ему будет мистер Джерард Фоук. <...> Я надеюсь иметь возможность продолжить исследования в 1899 г. в более северных районах, но я пока не нашел человека, подходящего для этой работы. <...> Я ищу молодого человека, который согласился бы провести год или два в северо-восточной Сибири, имея в виду, что он займется изучением обычаев, уклада, языков и физических характеристик населения этого района. Не могли ли бы Вы рекомендовать мне молодого человека, способного взяться за эту работу?» (Boas to Radloff, January 4, 1898; AMNH-DA).

Радлов ответил 23 февраля¹:

«Я нашел человека, который готов участвовать в Вашей экспедиции, некоего господина Йохельсона, который только что вернулся из поездки к юкагирам, среди которых он прожил два с половиной года. <...> Он согласился принять участие в экспедиции только на один год, и только среди юкагиров. Для поездки к чукчам он рекомендует своего друга, некоего господина Богораза, который прожил среди них два года и говорит по-чукотски. <...> Мне представляется, что Вы не прогадаете, если заручитесь помощью этих двух джентльменов, поскольку оба они хорошо знакомы с краем, в который им предстоит ехать, и уже занимались специально языками, а также бытом и обрядами тамошних народов. <...> К сожалению, я еще не получил согласия от второго джентльмена, поскольку он теперь живет в Восточной

¹ Все даты в русских письмах пересчитаны на новый стиль: в оригинале, например, это письмо имеет две даты: 11/23 февраля 1898 г.

Сибири, но я написал ему и надеюсь получить его ответ примерно через два месяца» (Radloff to Boas, February 23, 1898)¹.

Радлов передал Боасу также и условия, на которых Иохельсон согласился взяться за работу: все расходы на проезд должны быть оплачены, и Иохельсону должен выплачиваться достаточный оклад с момента отъезда из Петербурга и до окончания работы над печатанием материалов; Иохельсон готов передать Боасу все права на уже собранные им материалы, как и на те, которые ему еще предстоит собрать, однако он сохраняет за собой право публиковать все, что угодно, по-русски.

Имена Иохельсона и Богораза появляются здесь в переписке впервые. В письме Радлова Джесупу говорилось также, что *«Академия наук в Санкт-Петербурге согласна оказать всемерную помощь научной экспедиции»*; Радлов просил прислать ему официальный список всех участников экспедиции, время начала их работы и ее продолжительность, а также указать районы Сибири, которые они предполагают посетить: эти сведения необходимы для того, чтобы составить рекомендательное письмо на имя генерал-губернатора Восточной Сибири с просьбой снабдить каждого члена экспедиции открытым листом Министерства внутренних дел, адресованным всему местному начальству в этой части Империи (Radloff to Jesup, February 23, 1898; AMNH-DA).

Несмотря на это, получить разрешение от российского правительства оказалось нелегко. В апреле Посольство Соединенных Штатов в Петербурге информировало Джесупа, что министр внутренних дел г-н Горемыкин, полностью осведомленный обо всем предприятии и заинтересованный в его успехе, подтвердил, что не может распорядиться о выдаче визы доктору Лауферу. По мнению Горемыкина, это было бы незаконно: доктору Лауферу, как немецкому еврею, въезд в Сибирь был запрещен (US Embassy to Jesup, April 4, 1898; AMNH-DA); этот эпизод и его последствия подробно описаны в литературе — см., например, [Freed et al. 1988: 12–13].

Боас обратился с письмом к своему знакомому в Германии, некоему г-ну Грюндвелю, с вопросом, нельзя ли как-то повлиять на российское правительство. Ответ не был обнадеживающим:

«Российское правительство чинит всяческие препятствия научным исследованиям нерусских ученых на российской территории.

¹ *«Он теперь живет в Восточной Сибири»* — это, конечно, эвфемизм: и Иохельсон, и Богораз отбывали в Сибири за революционную деятельность десятилетнюю ссылку, срок которой как раз истек в 1898 г.

<...> Я не вижу другого пути, кроме как поставить Академию наук непосредственно „у руля“ этой экспедиции. Конечно, Императорская Академия наук будет [в этом случае] иметь преимущественное право как на коллекции, так и любые публикации. Для науки, конечно, все равно — но не для Вас» (Grundwedel to Boas, May 2, 1898; AMNH-DA).

Вопрос, тем не менее, разрешился — после того как Радлов обратился к Президенту Академии Великому князю Константину, который добился, ни больше ни меньше, прямого дозволения Императора на проведение этой экспедиции.

К июню 1898 г. все как-то наладилось. Бертольд Лауфер и Джерард Фоук приступили к работе среди гиялков (нивхов) и тунгусов (эвенков) в районе Амура, а также, в июле, среди айнов Сахалина, и оставались «в поле» до марта 1899 г. [см. Segel; Freed et al. 1988: 13–14]. Второй отряд экспедиции также был укомплектован.

Оставим теперь на время хронологическое изложение событий и вернемся на несколько лет назад, чтобы объяснить, кто были те «два русских джентльмена», которые, пользуясь словами Радлова, «только что вернулись из поездки» в Восточную Сибирь, те два профессиональных антрополога (единственные специалисты, которыми располагала Академия наук), имевшие опыт полевых исследований на Севере, знавшие языки коренных жителей и местные обычаи.

Ключевые фигуры:

Иохельсон, Богораз и Штернберг

Имена этих специалистов по Сибири сегодня хорошо известны любому, кто имеет отношение к североведению: Владимир Ильич Иохельсон, Владимир Германович Богораз и Лев Яковлевич Штернберг¹. Судьбы этих людей имеют много общего.

В.И. Иохельсон родился в 1855 г. в Вильне и довольно рано, еще учеником реального училища, включился в движение народовольцев. Уже в 1875–1881 гг. он был активным членом партии, обратил на себя внимание полиции и в 1881 г. был

¹ Роль Л.Я. Штернберга в Джесуповской экспедиции несколько отличается от роли двух других ученых: непосредственного участия в ней он не принимал, хотя на более поздних этапах и включился в ее работу. Часто задаются вопросом: почему Радлов не упомянул его в цитированном выше письме от 23 февраля 1898 г. в качестве возможного участника экспедиции, который вполне мог бы заняться исследованиями на Дальнем Востоке и с которым его друзья, Иохельсон и Богораз, поддерживали постоянную переписку. Дело, по-видимому, в том, что в письме Боаса Радлову говорилось, что Боас уже нашел кандидата на исследование гиялков и других племен в районе Амура и просит найти *одного* сотрудника на *два* года для работы в северо-восточной Сибири; Радлов вместо этого предложил *двух* людей на *один* год. Места для Штернберга просто не оставалось.

вынужден эмигрировать в Швейцарию, где работал в партийной типографии, преподавал в русской школе и параллельно изучал общественные науки в университете Берна. В 1885 г. он решил вернуться в Россию и был арестован на границе, судим и заключен в одиночную камеру, где просидел два года, после чего в 1887 г. был сослан в Восточную Сибирь сроком на 10 лет. Живя в ссылке, Иохельсон начал собирать материалы по языку, быту, этнографии юкагиров и вскоре получил разрешение принять участие в Сибиряковской экспедиции (1894–1898), организованной Императорским Русским географическим обществом. В 1898 г. Иохельсон вернулся в европейскую часть России и тут же уехал в Швейцарию, где вновь поступил в университет, чтобы закончить курс обучения¹.

В.Г. Богораз родился в 1865 г. в городке Овруч Волынской области. В возрасте 15 лет он поступил в Петербургский университет, вначале на математический факультет, затем перешел на юридический. Однако в 1882 г. он был выслан в родной город за революционную деятельность, а в 1883 г. арестован как член все той же партии «Народная воля». Отбыв небольшой тюремный срок, он вновь активно включился в революционную деятельность и в декабре 1886 г. был арестован вторично, провел три года в тюрьме и затем был выслан на 10 лет на Колыму, где прожил с 1890 по 1898 гг. Около 1894 г. он, как и Иохельсон, включился в работу Сибиряковской экспедиции, занимался этнографией чукчей. Он вернулся в Петербург в 1899 г. и поступил на работу в Академию наук в качестве сотрудника Музея этнографии [Алькор 1935; Люди и судьбы 2003].

Л.Я. Штернберг родился в 1861 г. в Житомире, в 1881 г. поступил на естественное отделение Петербургского университета и вскоре вступил в Центральный студенческий кружок — одну из студенческих организаций партии «Народная воля». Там он познакомился с Богоразом. За участие в крупной студенческой демонстрации и столкновениях с полицией Штернберг был в 1882 г. выслан из столицы и поступил на юридическое отделение Новороссийского университета (находившегося в Одессе), где учился (и продолжал участвовать в революционных кружках) до своего ареста в 1886 г.; сдать выпускные экзамены он не успел. Получил три года тюрьмы и в 1889 г. был выслан на 10 лет на Сахалин; там заинтересовался этнографией гиляков (нивхов). Первую статью о гиляках

¹ Материалы Российской Академии наук: Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1–1926. Ед. хр. 11, 1. 111; Материалы Института изучения народов Советского Союза: Там же, Ф. 135. Оп. 1. Ед. хр. 2, Л. 510. См. тж.: [Шавров 1935; Люди и судьбы 2003].

он напечатал в 1893 г. Вернувшись в Петербург в 1899 г. (он получил право проживания в столицах благодаря хлопотам Богораза), поступил на работу в Музей этнографии на должность младшего этнографа [Ольденбург, Самойлович 1930: 7–8; Кан 2000].

На протяжении всего долгого сибирского жителя три народо-вольца постоянно переписывались. Они делились новостями, поддерживали друг друга, обменивались впечатлениями о прочитанных книгах, вместе с письмами посылали друг другу и сами книги. Письма полны жалоб на тяжелые условия, отсутствие событий, безделье и скуку — особенно это верно для Богораза, который был самым младшим и самым непоседливым из всех и тяжелее других переживал, как он выражался, «жизнь на обочине», когда приходится питаться «духовной пищей Святого Антония» и смотреть, как жизнь проходит мимо. Вот одна цитата из письма Богораза Штернбергу, посланного из Нижне-Колымска на Сахалин:

«Ваш теплохолодный и мокросухой остров все-таки составляет часть земного шара и вместе с ним живет и движется, если не вперед, то хоть назад. Колымск — это особая планета, даже менее зависящая от Земли, чем луна, совершенно чуждая ей, глыба льду, брошенная в безвоздушном пространстве и застывшая без движения над бездной, где всякая случайная жизнь замерзает и задыхается» (Богораз — Штернбергу, 20 июня, 1894; РАН).

В какой-то мере эта тоска и скука были, видимо, причиной того, что все трое постепенно увлеклись изучением окрестных племен — чтобы «сохранить рассудок и волю к жизни» [Кан 1978: 11]. Десять лет — это все-таки очень долго... Однако это, конечно, не единственная причина: сыграл, несомненно, свою роль и интерес к «народу» — центральной идеологеме народничества; кроме того, образованные люди в северных краях были редкостью, и местные власти пользовались услугами Иохельсона, Штернберга, Богораза и многих других ссыльных при проведении местных переписей, при сборе различных статистических материалов и сведений о положении в крае, а позднее разрешили им принять участие в Сибиряковской экспедиции. Да, они были политически неблагонадежны, но они были образованными людьми, и их можно было использовать¹.

Возможно, поначалу они сами не принимали своих занятий

¹ Изабелл Крайндлер подметила любопытный факт: в ссылке и на поселении, в одних и тех же деревнях, жили вместе народники, социал-демократы, националисты и прочие «государственные преступники». Однако если народники проявляли живой интерес к культуре и языкам окружающих племен, то о марксистах этого сказать нельзя: практически все публикации по этнографии, языкам, краеведению, которые были написаны ссыльными, вышли из под пера народников, а позднее эсеров — но не марксистов [Kreindler 1984].

всерьез. Так, Богораз в письме Штернбергу, покончив с обычными жалобами на скуку и безделье, обычными филиппиками по поводу вынужденной жизни в отрыве от цивилизации, добавляет:

«Я теперь путаюсь с этнографией. Ездил по округу, семь месяцев кочевал с чукчами, будь они прокляты, ездил верхом на оленях, опускался по рекам на плотах, а впрочем, это ни для кого не интересно, кроме этнографов» (Богораз Штернбергу, 4 ноября, 1895; РАН).

Штернберг, прожив несколько месяцев на дальнем военном посту, где ему приходилось делить комнату с теми, кто его охранял, установил приятельские отношения с соседями-гиляками и почти каждый день ходил в гиляцкий поселок, постепенно осваивая язык и обычаи этого племени. В 1891 г. по поручению окружных властей принял участие в переписи населения Сахалина; он писал о своем опыте исследования гиляков: *«За месяц моего пребывания в „юртах“ мне пришлось интимно познакомиться с их обычаями, жить, так сказать, общей жизнью с ними»* [Штернберг Кролю; цит. по: Дударец]. В 1895 г. Штернберг также принял участие в Сибиряковской экспедиции, работал среди гиляков, орочей и ульчей Амура [Сирина, Роон 2004].

Конечно, все трое были самоучками, временами довольно наивными. В 1898 г. Штернберг (еще с Сахалина) писал Богоразу (уже в Петербург) с просьбой помочь найти «международный гиляцкий алфавит» и учебник по сравнительной филологии; Богораз отвечал:

«Международного гиляцкого алфавита не существует <...> Никакого учебника сравнительной филологии Залеман не мог мне посоветовать, да и не нужно это для Вас; а сделайте вот что: перепишите пару гиляцких текстов и подвергните их грамматическому разбору поподробнее» (Богораз Штернбергу, 22 февраля 1899; РАН).

Штернберг так и сделал и послал тексты Богоразу, который попытался убедить Залемана, известного филолога, их опубликовать, в чем и преуспел.

Опираясь друг на друга, друзья старались использовать свои уникальные лингвистические и этнографические материалы, вывезенные из Сибири, чтобы закрепиться в Петербурге. Так, в 1899 г. Богораз писал Штернбергу, что нанес визит Радлову *«соблазнял его Вашей коллекцией, и он дал обещание хлопотать о Вашем приезде в Петербург»* для обработки коллекции, которая должна быть подарена Музею. Богораз советует Штернбергу немедленно написать письмо Радлову с описанием, ка-

кие именно материалы он готов передать в Музей, советует: *«хвастайтесь сдержано, но увесисто»* — и практически диктует Штернбергу это письмо, объясняя, как именно следует воспользоваться благоприятными обстоятельствами, чтобы получить разрешение поселиться в столице (Богораз Штернбергу, б.д. 1899; РАН).

Так получилось, что трое политических ссыльных вернулись в Петербург (Иохельсон — в 1898 г., Богораз и Штернберг — в 1899 г.). Они привезли с собой языковые записи, этнографические коллекции, но главное — полевой опыт, знания окраин Империи, быта и жизни коренного населения. Это была их козырная карта, и она довольно быстро оказалась востребованной.

Такой жизненный поворот был для них неожиданным: до ссылки в Сибирь никому из них и в голову не приходило, что они станут этнографами. «Настоящая жизнь» была в политической борьбе за освобождение народа, в журналистике, но никак не в научных исследованиях богом забытых нивхов, юкагиров или чукчей. Богораз веселился по этому поводу:

«Итак, вот для чего Ахеяне отправились на завоевание Трои. Для того чтобы потом чукотские, гяляцкие, юкагирские и иные тексты разобрать по всем косточкам. Mais tu l'a voulu, George Dandin!» (Богораз Штернбергу, б.д. 1899; РАН).

Однако кроме иронии, в его письме ясно слышна нотка гордости: он гордится собой и своими товарищами, потому что они сумели выжить в тяжелейших условиях сибирской ссылки, сохранить физическое и нравственное здоровье, не отчаиваться и не сойти с ума за десять лет неволи; более того, они сумели найти бесценные материалы, которые теперь помогают им начать строить свою жизнь заново. Они привезли неизвестные науке данные, они печатаются в престижных изданиях Академии наук и Географического общества, у Академии нет, кроме них, никого, кого можно было бы рекомендовать Боасу как специалистов по сибирским племенам. *«А ей-Богу, все эти старые сибирские жида молодцы!»* (Богораз Штернбергу, 19 августа 1899; РАН).

Боас нанимает Иохельсона

Осенью 1898 г. Боас был в Берлине, где он впервые лично встретился с Радловым и познакомился с Иохельсоном, который все еще жил в Швейцарии, готовясь к выпускным экзаменам (Boas to Jesup, October 4, 1898; AMNH-L). Они быстро сошлись и, получив от Боаса предложение принять участие в экспедиции, Иохельсон начал активно продвигать кандидату-

ру Богораза в качестве второго участника. Почти в каждом письме Боасу Иохельсон напоминает ему о Богоразе, делает все, чтобы его друг был также включен в этот интересный и многообещающий проект. Вот примеры:

«Я только что получил из Якутска, от мистера Богораза, весть, что он согласен заняться исследованием чукчей для Музея и отправиться на Берингов полуостров (так! — Н.В.) с этой целью. Условия, которые я ему изложил, его устраивают. Теперь мистер Богораз должен уже быть в Иркутске, и к ноябрю мы ожидаем его в России...» (Jochelson to Boas, September 23, 1898; AMNH-DA)¹.

Или:

«Смею заверить Вас снова, что он [Богораз] — лучший из всех, кто мог бы вести работы среди чукчей и других племен Берингова полуострова. <...> Мистер Богораз свободно говорит по-чукотски. Он подготовлен для этнологической работы и готов начать немедленно, если это необходимо» (Jochelson to Boas, November 3, 1898; AMNH-DA).

28 октября 1898 г. Боас отправил Иохельсону письмо, в котором описывались условия его включения в состав экспедиции (AMNH-DA), а именно: Музей нанимает Иохельсона на три с половиной года с окладом 100 долл. в месяц и предоставляет в его распоряжение 4.000 долл. на полевые расходы. Иохельсон должен приехать в Нью-Йорк около 1 февраля 1899 г. для получения специальных инструкций, касающихся полевых исследований, и затем весной 1899 г. отправиться на северное побережье Охотского моря для изучения коряков. Этим он должен будет заниматься с лета 1899 г. до конца зимы 1900 г., после чего ненадолго заехать к восточным юкагирам. Исследования должны включать следующие пункты:

«Вы должны будете составить коллекции образцов, иллюстрирующие быт и физические характеристики этих народов. Эти коллекции должны включать этнографические образцы всех видов — скелеты и черепа, в той мере, в какой они окажутся доступны, фотографии, гипсовые слепки. Ваши исследования должны быть в первую очередь посвящены этнологии этих народов, включая глубокое изучение языка и мифологии, а также антропометрических данных. По завершении работы Вы возвратитесь в Нью-Йорк. Мы ожидаем Вашего возвращения в начале

¹ Я цитирую здесь английский перевод писем Иохельсона, написанных по-немецки: в первые годы участия в экспедиции Иохельсон еще недостаточно хорошо владел английским; машинописный перевод с немецкого на английский был сделан Ренатой Хамбатта и Лайлой Вильямсон и хранится в отделе антропологии Американского музея естественной истории.

1901 г. В течение следующих полутора лет Вы должны будете обработать научные результаты полевых исследований в Американском музее.

Эти научные результаты, как и коллекции, собранные во время путешествия, перейдут в исключительное владение Американского музея естественной истории. Никакие результаты не могут быть опубликованы без санкции руководства Музея» (Boas to Jochelson, October 28, 1898; AMNH-DA).

Кроме того, Музей обязался обеспечить Иохельсона фотоаппаратом и прочим оборудованием, снаряжением и припасами, а также оплатить переезд до Владивостока и обратно через Нью-Йорк.

Иохельсон ответил 10 ноября из Берна, что готов принять условия, если Музей согласен рассмотреть, как он выразился, «*мелкие изменения и уточнения*»: увеличить его месячный оклад до 150 долл. в те 18 месяцев, которые он должен провести в Нью-Йорке в 1901–1902 гг.; отдельно оплатить упаковку и отправку коллекций из Гижиги в Нью-Йорк; выплатить дополнительно 100 долл. на приобретение научной литературы в Сибири; отдельно оплатить страховку и т.п. Однако интереснее другое «уточнение», касающееся будущих прав Иохельсона как собирателя и автора:

«Я предпочел бы не обрабатывать самостоятельно результаты антропологических исследований (измерения, гипсовые маски и т.п.), а оставить их Музею, который сможет поручить это антропологу. <...> Корякские этнографические, этнологические и лингвистические материалы я предпочитаю обработать сам. Результаты работы будут принадлежать Музею и будут опубликованы под моей фамилией. Юкагирские же материалы — мои, я собирал их три года в ходе полевой работы. <...> Я могу предоставить старые юкагирские материалы Музею при условии, что я смогу одновременно передать как старые, так и новые материалы Русскому географическому обществу для публикации по-русски (естественно, что обе публикации должны появиться под моей фамилией)» (Jochelson to Boas, November 10, 1898; AMNH-DA).

Он пишет также о подробностях закупки снаряжения и отправки оборудования во Владивосток (Академия наук согласилась оплатить это) и добавляет, что ему было бы удобнее отложить экспедицию на два года, чтобы закончить диссертацию, но он готов отказаться от этого и отправиться в Нью-Йорк в начале декабря, если Боас настаивает.

Боас ответил 5 декабря 1898 г., соглашаясь с некоторыми «уточнениями» Иохельсона, но не со всеми:

«Основной целью Вашей поездки должно стать (1) изучение коряков и сбор коллекций среди них и (2) сбор этнологических коллекций у юкагиров. Все остальное вторично. <...> В целом Ваши поправки к моим предложениям, как кажется, продиктованы опасениями, что наш Музей может посягнуть на Ваши права как автора и исследователя. С нашей стороны таких намерений нет. Напротив, мы надеемся, что эта экспедиция, когда она будет завершена, существенно укрепит Вашу репутацию и поможет Вам занять достойное место в жизни» (Boas to Jochelson, December 5, 1898; AMNH-DA).

К этому времени участие Иохельсона и Богораза в экспедиции было для Боаса делом решенным, однако ему еще предстояло убедить Джесупа, что его выбор оптимален, хотя и стоит дороже.

«Эти двое, — писал Боас, — настолько хорошо знакомы с работой в этих краях, что было бы неразумно нанимать кого-либо другого для этой работы» (Boas to Jesup, November 2, 1898; AMNH-DA).

Однако это новое решение влекло за собой некоторые сложности.

«Для непосредственных целей Джесуповской экспедиции было бы довольно собрать некоторое количество сведений о племенах Охотского моря и западного побережья Берингова пролива, не углубляясь в подробности. Однако мистер Иохельсон не хочет браться за эту работу в восточной Сибири, если ему не будет предоставлена возможность собрать исчерпывающие данные; кроме того, он настаивает на контракте на длительный срок, и его заработная плата выливается в очень значительную сумму. То же, хотя и в меньшей степени, верно в отношении мистера Богораза. Мы, таким образом, оказываемся в следующей ситуации: мы можем придерживаться нашего прежнего плана послать молодого исследователя в указанный район и попытаться собрать то, что нам нужно. Если мы так поступим, работа будет сделана менее тщательно и менее качественно, чем если за нее возьмутся господа Иохельсон и Богораз. Кроме того, поскольку эти двое существуют и поскольку их работа признана европейскими учеными, нет сомнений, что будут предприняты попытки дать им возможность осуществить задуманное. <...> Следовательно, если мы найдем не их, а пошлем кого-то другого, мы подвергаем себя опасности, что эта работа будет сделана недостаточно хорошо и через несколько лет будет превзойдена гораздо более качественными результатами. <...> Мы стоим, таким образом, перед трудным выбором: нам необходимы данные по этому району, и вряд ли имеет смысл нанимать кого-либо,

кроме этих двух русских джентльменов» (Boas to Jesup, November 2, 1898; AMNH-DA).

Трудно сказать, является это письмо просто дипломатическим ходом или Боас действительно находился под впечатлением широты знаний обоих российских исследователей о крае и его обитателях. В любом случае, он позволил Иохельсону повлиять на изменение первоначального плана: район работ был расширен, в него были включены юагиры, была поставлена цель сбора *«исчерпывающих данных»*. Боас написал и полуофициальное письмо Богоразу (6 декабря 1898 г.), в котором предлагал последнему принять участие в исследованиях чукчей в составе экспедиции в течение 12–15 месяцев в 1900 г. на условиях, сходных с теми, которые были предложены Иохельсону.

Месяц спустя Боас получил письмо от Иохельсона (из Парижа), в котором Иохельсон практически соглашается со всеми условиями и пишет, что готов выехать из Швейцарии в сентябре 1899 г., чтобы начать подготовку к отъезду, а также напоминает Боасу о Богоразе: *«Было бы хорошо, если бы я и господин Богораз могли выехать одновременно»* (Jochelson to Boas, January 4, 1899; AMNH-DA).

В январе 1899 г. Богораз вернулся из Сибири в Петербург и начал работать в этнографическом музее под руководством Радлова. Он написал Боасу, что принимает все его условия; Боас получил это письмо в первых числах марта. *«Я счастлив, — писал Радлов Боасу, — что мое посредничество имело такие прекрасные результаты и что Вы можете теперь приступить к снаряжению экспедиции в Азию»* (Radloff to Boas, February 27, 1899; AMNH-DA).

Подготовка экспедиции (1899–1900)

В течение нескольких последующих месяцев в переписке между Боасом и его русскими сотрудниками обсуждается в основном закупка снаряжения и оборудования для экспедиции. Обе стороны стараются купить подешевле: они пишут письма десяткам поставщиков, выясняя цены на муку, сгущенное молоко, товары для обмена с туземцами и подарки для них. Вся затея начинает обретать конкретные очертания, хотя Музею приходится преодолевать самые разнообразные препятствия, иногда довольно курьезные. Так, в реестре таможенной службы Соединенных Штатов не было предусмотрено пункта «этнографические предметы»: если записывать их как «естественно-научные образцы», тогда они не облагаются налогом, однако таможенные чиновники сомневались. Вот выдержки из

письма таможенного чиновника, посланного в Музей за пару лет до этого в связи с какими-то ввозимыми из-за границы коллекциями, в котором тот ссылается на мнение аудитора департамента финансов:

«Предметы числятся по документам как естественно-научные образцы, не облагаемые [налогом] согласно параграфу 666 Нового Тарифа. Это определение, однако, может оказаться ошибочным. По мнению нашего отдела, термин „естественно-научные образцы“ применим лишь к природным объектам, но не к рукотворным или изготовленным предметам. <...> Что касается „антропологических образцов“, по описанию невозможно судить, природные они или рукотворные <...> Ваш запрос и платежное поручение возвращаются для дальнейшего рассмотрения».

И добавляет несколько строк «от себя»:

«Полагаю, что аудитор прав, утверждая, что гипсовые слепки или индейская приставная лестница не являются естественно-научными образцами. <...> В Вашем заявлении все эти предметы описываются как „этнологические“, <...> [их следует, по моему мнению] относить к параграфу 702 Н[ового] Т[арифа], <...> поскольку, насколько я могу судить, этнология — это наука, то есть, наука, занимающаяся подразделением человечества на расы, их происхождением, распределением и взаимоотношениями, а также особенностями, которыми они различаются. Если эти предметы относить к параграфу 702, тогда необходима таможенная закладная. <...> И сообщите, пожалуйста, что находится в 13 ящиках с этнологическими материалами. На вид это просто кости» (Official to Winsler, November 10, 1897; AMNH-DA).

На рубеже столетий даже таможенники участвовали в дискуссиях об определении объекта этнологии... Однако параллельно с необходимостью отвечать на подобные вдохновляющие запросы таможни Боасу приходилось решать и гораздо более серьезные проблемы.

Куда ехать и что изучать

Параллельно с подготовкой технической стороны экспедиции шел и другой процесс: уточнение содержательной стороны работы. В социальных науках вряд ли возможно просто нанять технического сотрудника для проверки своих идей или даже для сбора данных по стандартному опроснику (если это не простая анкета с вопросами, предполагающими ответ «да-нет»): влияние личности исследователя, пресловутый социологический «принцип дополнительности» часто оказывает настолько сильное воздействие, что два человека, исследующие

один и тот же объект, могут получить совершенно разные результаты. Боас хотел, чтобы его сотрудники стали его глазами, ушами и руками: они должны были поехать в определенное место, провести антропометрические исследования, записать фольклорные тексты, собрать коллекции и вернуться обратно. Он хотел подготовить их именно к выполнению такой задачи.

«Я намерен, — писал он Радлову, — провести здесь с мистером Иохельсоном и мистером Богоразом несколько месяцев, чтобы убедиться, что работа по физической антропологии будет сделана по единой методике, чтобы результаты можно было сравнивать» (Boas to Radloff, April 18, 1899; AMNH-DA).

Используя ограниченные финансовые средства, Боас стремился провести исследования так, чтобы и удовлетворить свое научное любопытство, и принести Джесупу и Музею максимум славы. Однако с самого начала стало ясно, что у русских ученых были собственные идеи относительно того, что, где и как изучать.

В письме, которое я уже цитировал (Radloff to Boas, February 23, 1898; AMNH-DA), Радлов сообщал Боасу, что Иохельсон согласен ехать *«только к юкагирам»*, а Боасу необходимы были сведения о населении северного побережья Тихого океана — чукчах, коряках и нивхах. Юкагиры селились слишком далеко от побережья и не представляли для него особого интереса. В конце концов Иохельсон сдался и согласился ехать к корякам, однако и после этого он продолжал предлагать всевозможные «вылазки», отклоняющиеся от основного маршрута, например предлагал осмотреть древние юкагирские погребения, на что Боас ответил довольно резким отказом: *«Думаю, что поездка к древним могильникам юкагиров практически исключена, поскольку она приведет к дополнительным расходам»* (Boas to Jochelson, December 5, 1898; AMNH-DA).

Богораз «бунтовал» похожим образом: он предложил маршрут, который не столько соответствовал задачам Джесуповской экспедиции, сколько отвечал его собственным научным интересам. Посоветовавшись с господином Гондатти, писал Богораз, он пришел к выводу, что

«начать лучше всего с села Марково на Анадыре, <...> [оттуда] к Чаунской губе и <...> по побережью Берингова пролива в Наукан и Уэлен, крупнейшие поселения приморских чукоч, [и] вернуться в Анадырь на байдаре следующим летом. Таким образом я сумею посетить все приморские поселения по берегам обоих океанов» (Bogoraz to Boas, March 22, 1899; APS-NYPL).

Богораз, естественно, больше интересовали приморские чуки (и эскимосы), чем оленные, которых он уже знал, и он

пытался убедить Боаса в том, что именно этот план наилучший.

«Изучение чукотского языка было мною сделано ранее и теперь нуждается лишь в небольших уточнениях, тем более что в чукотском языке существуют очень незначительные диалектные различия. Я собрал также данные о материальной жизни, фольклоре, обрядах и мифах, семейной и племенной жизни оленных чукчей. В дальнейшем я должен прежде всего завершить эти исследования, а затем получить соответствующие данные по приморской части этого народа» (Bogoraz to Boas, March 22, 1899; APS-NYPL).

Сроки экспедиции также нарушались. И Богораз, и Иохельсон были заняты публикацией своих материалов; кроме того, Иохельсон хотел закончить диссертацию в Швейцарии. Даже в июле 1899 г. Богораз еще просил Боаса отложить начало экспедиции до 1901 г. (Bogoraz to Boas, July 9, 1899; APS-NYPL). Однако сама эта экспедиция была для Богораза и Иохельсона все-таки слишком привлекательна, чтобы испытывать терпение Боаса: через четыре дня Богораз отправил еще одно письмо, в котором подтверждал, что, конечно, готов выехать немедленно, хотя ему и было бы удобнее в 1901 г.

Боас, собственно, был готов отложить начало экспедиции, хотя и с большой неохотой: он писал Радлову:

«Я согласился с его [Богораза] просьбой отложить экспедицию до 1901 года, хотя мне и хотелось бы начать, наконец, все это предприятие. <...> Если Вы не считаете эту отсрочку необходимой, я покорнейше прошу Вас передать ему желательность не откладывать начало работы больше, чем это абсолютно необходимо» (Boas to Radloff, August 8, 1899; AMNH-DA).

В конце концов все устроилось: незадолго до отъезда из Швейцарии Иохельсон написал Боасу, что уговорил Богораза не откладывать экспедицию (August 20, 1899; AMNH-DA). Через несколько дней в совместном письме Богораз и Иохельсон сообщали Боасу, что они встречались с Радловым, который настаивал, чтобы Богораз выехал вместе с Иохельсоном и что оба они приедут в Нью-Йорк в феврале 1900 г. «Бунт» был подавлен: русские сотрудники Боаса готовы были ехать тогда и туда, куда посылал их Боас, и они были готовы учиться: *«Мы хотели бы знать, сколько времени потребуется, чтобы освоить Ваши антропометрические методы, а также познакомиться с другими целями экспедиции»* (Bogoraz and Jochelson to Boas, August 31, 1899; AMNH-DA).

Интересно было бы понять психологические мотивы Богораза и Иохельсона, заставившие их принять предложение Боаса.

Хотели ли они вернуться в места своей ссылки свободными людьми и тем самым что-то кому-то доказать? Думали ли они, что эта экспедиция, как писал Боас, существенно укрепит их репутацию и поможет им занять достойное место в жизни? Или им было просто интересно? Или в основе лежали все-таки денежные соображения? Возможно, все эти предположения верны; точного ответа на этот вопрос мы, скорее всего, никогда не узнаем.

Новый план экспедиции

С осени 1899 г. в письмах Боаса появляются советы и рекомендации относительно той научной литературы, с которой Иохельсону и Богоразу следует познакомиться до отъезда. Он посылает им оттиски публикаций о Джесуповской экспедиции [Boas 1898a, b, c], книгу Хоффмана об искусстве эскимосов, книгу Петито «Traditions indiennes du Canada N. Ouest» [Hoffman 1897; Petitot 1886]; он отсылает их к работе А. Краузе «Die Tlingit Indianer» [Krause 1885] и к своим собственным «Indianische Sagen...», работе о социальной организации и тайных обществах квакиутлей [Boas 1897] и к некоторым другим сочинениям. «Самые важные сведения о тихоокеанском побережье Северной Америки, — добавляет он, — содержатся в старом описании Вениаминова, русского миссионера, которое вы несомненно сумеете разыскать в Петербурге» (Boas to Jochelson, September 19, 1899; AMNH-DA) — речь идет, скорее всего, о книге [Вениаминов 1840].

После ряда обсуждений Иохельсон и Богораз выработали новый план экспедиции и послали его на одобрение Боасу. В соответствии с этим планом русские участники экспедиции должны были вместе ехать в Гижигу и в течение полугода проводить изучение коряков: на долю Иохельсона приходились фотосъемки, антропологические измерения и изготовление гипсовых слепков, на долю Богоразы — изучение коряцкого языка, в чем ему должно было помочь его знание близкородственного чукотского. Этнографическая работа должна была вестись совместно, но преимущественно Иохельсоном, поскольку именно ему поручалось писать книгу о коряках. Затем они предлагали вместе отправиться на Анадырь и аналогичным образом вести работу среди чукчей: Богораз займется языком и фольклором, Иохельсон — антропометрией и фотографированием. К концу весны Иохельсон вернется в Гижигу, чтобы закончить изучение коряков, Богораз отправится на побережье Арктики и Берингова пролива. По возвращении в США Богораз возьмет на себя описание коряцкого и чукотского языков и книгу о жизни чукчей, Иохельсон передаст коллекцию фотографий и антропологических изме-

рений и напишет монографию о коряках на основе собранных обоими данных. Иохельсон также предложил написать подробное исследование о юкагирах и их языке на основе как уже собранных, так и новых материалов (Bogoraz and Jochelson to Boas, October 30, 1899; AMNH-DA).

План был хорош, но довольно далеко отходил от первоначального замысла Джесуповской экспедиции; в любом случае, он не был реализован. Скорее всего, множество мелких разногласий и расхождений быстро сошли на нет, едва только Богораз и Иохельсон прибыли в Нью-Йорк и имели возможность лично обсудить все планы с Боасом. По-видимому, они понравились друг другу — я сужу по тому, что итоговый план экспедиции демонстрирует очевидные следы совместных обсуждений, удачного компромисса и единодушия.

В конце ноября 1899 г. перед отъездом в Нью-Йорк участники экспедиции занимались устройством личных дел: Богораз отправился на Кавказ, Иохельсон — в Цюрих. Они договорились встретиться в Антверпене в конце года и известили Боаса, что приедут в Нью-Йорк к февралю 1900 г.

Официальные контакты и окончательный план

Приехали в Нью-Йорк они, впрочем, только в марте, и тогда же был подписан официальный контракт между Моррисом Джесупом и Владимиром Иохельсоном (по-видимому, его также подписал Александр Аксельрод). Этот контракт назначал Иохельсона руководителем отряда Джесуповской экспедиции в северо-восточной Азии. Отряд состоял из четырех человек: Иохельсона, Богораз, зоолога Н.Г. Бакстона, ответственного за зоологические исследования, и Александра Аксельрода, молодого знакомого Иохельсона и Богораз, исполнявшего роль их помощника. Кроме того, жены исследователей — госпожа Иохельсон и госпожа Богораз — получали право сопровождать мужей, однако за счет средств, которые вычитались из их заработной платы по завершении экспедиции. Цель экспедиции была записана как *«этнологическое и биологическое обследование северо-восточной Азии согласно специальным инструкциям, полученным вами к сегодняшнему дню от проф. Дж.А. Аллена, Франца Боаса, Вильяма Бойтенмюллера и Л.П. Гратакао»* (Jesup to Jochelson, March 24, 1900; AMNH-DA).

В письмо были вложены и окончательные инструкции, написанные Боасом несколькими днями раньше. Я уже упоминал, что этот документ — хороший образец компромисса между сторонами: первоначальным планом Боаса и многочисленными, часто противоречивыми, предложениями и изменениями,

которые предлагали русские участники. Документ очень тщательно продуман: каждое слово, даже порядок упоминания тех или иных терминов несут следы долгого и подробного обсуждения. Итоговый план должен был удовлетворить все заинтересованные стороны:

«Основная задача вашей работы, — писал Боас, — состоит в детальном изучении коряков, приморских чукчей и восточных юкагиров со всех точек зрения: этнологической, лингвистической и соматологической. Вы приложите все усилия для сбора полной информации и максимально полных коллекций по этим племенам. Ваши коллекции должны включать, насколько это возможно, полный спектр предметов, изготовленных указанными выше племенами. Вы постараетесь, чтобы в ваших коллекциях были полноценно представлены предметы, новые для науки. Вы также уделите особое внимание сбору хороших коллекций антропологических фотографий и гипсовых слепков. Вы также будете заниматься исследованиями и сбором предметов среди ламутов, оленных чукчей, эскимосов и камчадалов, но лишь постольку, поскольку такая возможность представится: это не является основной целью экспедиции. Вам дается право определять маршруты движения экспедиции, и вы должны обеспечить такой маршрут, который даст наилучшие результаты» (Boas to Jochelson, March 26, 1900; AMNH-DA).

Тон этих инструкций существенно отличается от всего, что Боас писал до этого. Складывается впечатление, что после того, как он лично встретился с русскими участниками проекта, Боасу неожиданно открылись более широкие возможности этнографической работы в Сибири. Вместо того чтобы настаивать на исполнении первоначального плана, он пытается использовать эти возможности, чтобы узнать больше, чем он изначально предполагал. Эта инструкция, оставляющая достаточно свободы в выборе графика и маршрута экспедиции и даже дающая некоторую свободу в выборе тех племен, которые предстоит изучить, может служить одним из подтверждений изменившегося отношения Боаса ко всему предприятию. Несколькими месяцами позже, узнав, что Йохельсон планирует вернуться из Азии не морем в Нью-Йорк, а по суше через Сибирь в Петербург и что по пути он будет проезжать через якутские земли, Боас напишет Джесупу, что, хотя якуты, конечно, *«лежат за пределами интересов экспедиции, было бы жаль упустить редкий шанс и не приобрести для Музея якутские коллекции Йохельсона»* (Boas to Jesup, March 26, 1900; AMNH-L).
Аппетит приходит во время еды...

«Двуликий Янус»

Тем временем продолжались переговоры с российским правительством относительно проведения экспедиции; Боас писал Радлову в марте 1899 г.:

«Покорнейше прошу Вас известить Императорскую Академию наук о наших планах и испросить поддержку Академии в проведении работ» (Boas to Radloff, March 24, 1899; AMNH-DA);

писались письма во все инстанции; Джесуп подписал специальное письмо генерал-губернатору Гродекову, в котором благодарил его за *«бесценную помощь»* Лауферу и просил помочь отряду Иохельсона с транспортом в Гижигу (Jesup to Grodyekov, March 9, 1900; AMNH-DA). В октябре Радлов писал Джесупу:

«Я очень рад, что дела с экспедицией в северо-восточную Сибирь обстоят благополучно, и я сделаю все от меня зависящее, чтобы господу Богораз и Иохельсон получили всемерную поддержку российского правительства» (Radloff to Jesup, October 26, 1899; AMNH-DA).

И Иохельсон, и Богораз получили от российского правительства «открытые листы», в которых значилось:

«Всем учреждениям и лицам, подведомственным Министерству внутренних дел, настоящим предписывается оказывать подателю сего любую возможную помощь в пределах своих законных полномочий, для выполнения им своей миссии».

Датированы документы 11 ноября 1899 г. Подписаны Главой Министерства внутренних дел Сипягиным; начальником департамента общих дел Треповым.

Однако через пять месяцев, в апреле 1900 г., когда Богораз и Иохельсон уже были на пути во Владивосток, то же самое министерство издало совершенно другое распоряжение. Это был секретный циркуляр сибирским властям установить тайное наблюдение за деятельностью Богораз и Иохельсона, бывших административных ссыльных; в нем указывалось, что из-за их прошлой антиправительственной деятельности было бы *«весьма нежелательно оказывать им какую-либо помощь в порученных им научных исследованиях»* (более подробно этот эпизод описан в статье [Freed et al. 1988: 17]). Как выразился Богораз в одном из своих писем к Боасу, написанному позднее и по другому поводу, *«это, знаете ли, Россия...».*

Вся эта история открылась через три года, когда русская газета «Освобождение» (№ 15, 1903), выходящая в Штутгарте, опубликовала заметку «Двуликий Янус», за подписью «Доцент» (она была написана Иохельсоном в январе 1903 г. в

Петербурге). Эту заметку и некоторые другие материалы перевели для Джесупа; в сопроводительном письме Боас писал:

«Я полагаю, что преданность мистера Иохельсона, которому были известны все эти обстоятельства, и энергия и опыт господ Иохельсона и Богораза заслуживают в этой ситуации особого признания. <...> Вы понимаете, без сомнения, как мешали работе Богораза и Иохельсона эти секретные распоряжения, и полный успех их исследований заслуживает по этой причине высочайшей похвалы» (Boas to Jesup, March 4, 1903; AMNH-DA).

Эпилог

Через пять лет после того, как идея широкомасштабной антропологической и лингвистической экспедиции на север Тихого океана пришла в голову Боасу, второй отряд сибирской части экспедиции, в состав которого входили Иохельсон и Богораз, отправился в северо-западную часть региона. 16 мая 1900 г. Иохельсон и Богораз прибыли во Владивосток, где встретились с ожидавшим их Аксельродом. Все грузы, отправленные из США, Европы и России, благополучно прибыли. В своем первом отчете Иохельсон сообщает Боасу, что губернатор весьма любезен и обещает всемерную помощь (Jochelson to Boas, May 20, 1900; AMNH-DA) (очевидно, секретный циркуляр МВД, подписанный за две недели до этого, до Владивостока к тому моменту еще не дошел).

Богораз и его жена отбыли в Мариинский пост в устье реки Анадырь 14 июня на судне «Байкал». Вскоре после этого, 24 июля, Иохельсон с женой отправились следом. Джесуповская экспедиция в северо-восточную Сибирь началась.

История самой экспедиции, как и долгая и мучительная история публикации ее результатов, проходившая на фоне грозных событий первой трети XX столетия, еще ждет своего исследователя.

Сокращения

<i>Б</i>	— Фонд Богораза, Архив Российской Академии наук, Санкт-Петербург
<i>И</i>	— Фонд Иохельсона, Архив Российской Академии наук, Санкт-Петербург
<i>ИИНБП</i>	— Институт изучения наследия Бронислава Пилсудского
<i>РАН</i>	— Архив Российской Академии наук, Санкт-Петербург

- РАН-МАЭ-а* — Архив Музея антропологии и этнографии. Ф. 142. Оп. 1—1928. Ед. хр. 3,1.105: Документы МАЭ
- РАН-МАЭ-б* — Архив Музея антропологии и этнографии. Ф. 2. Оп. 1—1927. Ед. хр. 15: Документы МАЭ
- Ш* — Фонд Штернберга, Архив Российской Академии наук, Санкт-Петербург
- AMNH* — Американский музей естественной истории в Нью-Йорке
- AMNH-DA* — Архив Отдела антропологии Музея естественной истории в Нью-Йорке
- AMNH-L* — Библиотека Музея естественной истории в Нью-Йорке, отдел специальных собраний
- APS* — Архив Американского философского общества в Филадельфии
- APS-NYPL* — копия коллекции документов Ф. Боаса в Отделе рукописей Нью-Йоркской Публичной библиотеки

Библиография

- Алькор Я.П.* В.Г. Богораз-Тан // Советская этнография. 1935. № 4—5. С. 5—31.
- Вениаминов И.Е.* Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840.
- Дударец Г.И.* Эпистолярное наследие узников сахалинской каторги (по письмам Л.Я. Штернберга, И.П. Ювачева и других политических ссыльных // ИИНБП. Южно-Сахалинск. В печати.
- Люди и судьбы:* Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в Советский период (1917—1991). СПб., 2003.
- [Ольденбург, Самойлович]* Памяти Л.Я. Штернберга (1861—1927)/ Ред. С.Ф. Ольденбург, А.Н. Самойлович. Л., 1930.
- Сирина А.А., Роон Т.П.* Лев Яковлевич Штернберг: у истоков советской этнографии // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М., 2004. С. 49—94.
- Шавров К.Б.* Иохельсон // Советская этнография. 1935. № 2. С. 3—15.
- Boas F.* The Social Organization and the Secret Societies of the Kwakiutl Indians: Based on Personal Observations and on Notes Made by Mr. George Hunt // Report of the U.S. National Museum for 1895. Washington, 1897. P. 311—738.
- Boas F.* Facial Paintings of the Indians of Northern British Columbia // The Jesup North Pacific Expedition. Vol. 1. Pt. 1. P. 13—24. American Museum of Natural History Memoirs, 2. N.Y., 1898a.
- Boas F.* The Jesup North Pacific Expedition // The Jesup North Pacific

- Expedition. Vol. 1. Pt. 1. P. 1–12. American Museum of Natural History Memoirs, 2. N.Y., 1898b.
- Boas F.* The Mythology of the Bella Coola Indians // The Jesup North Pacific Expedition. Vol. 1. Pt. 1. P. 25–127. American Museum of Natural History Memoirs, 2. N.Y., 1898c.
- Brown W.A.* Morris Ketchum Jesup: A Character Sketch. N.Y., 1910.
- Cole D.* The Greatest Thing Undertaken by Any Museum? Franz Boas, Morris Jesup, and the North Pacific Expedition // Gateways. Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902. I. Krupnik, W.W. Fitzhugh. (Eds.). Contributions to Circumpolar Anthropology 1. Washington DC, 2001. P. 29–70.
- Dexter R.W.* The role of F.W. Putnam in Developing Anthropology at the American Museum of Natural History // Curator. 1976. Vol. 19. P. 303–310.
- Freed S.A., Freed R.S., Williamson L.* Capitalist Philanthropy and Russian Revolutionaries: The Jesup North Pacific Expedition (1897–1902) // American Anthropologist. 1988. 90 (1). P. 7–23.
- Hinsley C.M., Holm B.* A Cannibal in the National Museum: The Early Career of Franz Boas in America // American Anthropologist. 1976. Vol. 78. No. 2. P. 306–316.
- Hoffman W.* The Graphic Art of the Eskimos. Report of the U.S. National Museum for 1895. Washington, 1897.
- Kan S.* Lev Shternberg: From Revolutionary Populism to Evolutionary Anthropology. Manuscript. 1978.
- Kan S.* The Mystery of the Missing Monograph: Or, Why Shternberg's «Social Organization of the Gilyak» Never Appeared among the Jesup Expedition Publications // European Review of Native American Studies. 2000. Vol. 14. No. 2. P. 19–38.
- Kendall L.* Young Laufer on the Amur // Crossroads of Continents. Cultures of Siberia and Alaska. W. Fitzhugh and A. Crowell. (Eds.). Washington, 1988. P. 104–114.
- Kennedy J.M.* Philanthropy and Science in New Your City: The American Museum of Natural History, 1868–1968. Ph.D. Diss., University of Michigan, Ann Arbor. 1969.
- Krause A.* Die Tlinkit-Indianer: Ergebnisse einer Reise nach der Nordwestkueste von Amerika und der Beringstrasse... Jena, 1885.
- Kreindler I.* The Non-Russian Languages and the Challenge of Russian: The Eastern versus the Western Tradition // Sociolinguistic Perspectives on Soviet National Languages: Their Past, Present, and Future. I.T. Kreindler. (Ed.). (Contributions to the Sociology of Language 40.) Berlin, etc., 1984. P. 345–367.
- Petitot E.* Traditions indiennes du Canada Nord-Ouest // Les litteratures populaires de tous le nations 23. P., 1886.
- [*Rohner*] The Ethnography of Franz Boas: Letters and Diaries of Franz Boas written on the northwest coast from 1886 to 1931. R.P. Rohner. (Ed.). Chicago, 1969.

- Segel S.* The Jesup North Pacific Expedition. Manuscript. N.d.
- [*Stocking*] The Shaping of American Anthropology, 1883–1911: A Franz Boas Reader. G.W. Stocking. (Ed.). N.Y., 1973.
- Vakhtin N.* Franz Boas and the Shaping of the Jesup Research in Siberia // Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902. I. Krupnik, B. Fitzhugh. (Ed.). Washington, 2001. P. 71–89.